

Е.И. РУДЕНКО

Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК,

научный сотрудник, кандидат исторических наук

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ТЮРКСКОМ ЭЛЕМЕНТЕ В ЮЖНОЙ АЗИИ

Аннотация

Мнения и оценки иностранных (индийских и западноевропейских) исследователей относительно материального и духовного присутствия тюркского элемента в Южной Азии представляют немалый интерес. Особо значимыми являются широкая хронология тюркского периода с акцентом на средневековье, мнения относительно особенностей присутствия тюрков, их вклада в индийскую политико-административную и культурно-религиозную системы, а также места и роли отдельных тюркских личностей в регионе.

Кілт сөздер: шетел тарихнамасы, орта ғасырлар, Оңтүстік Азия, түріктер және түрік-моңғолдар, шетелдік жаулап алулар.

Ключевые слова: зарубежная историография, средние века, Южная Азия, тюрки и тюрко-монголы, иностранные завоевания.

Keywords: foreign historiography, Middle Ages, South Asia, Turks and Turk-Mongols, foreign conquests.

Тюркский период сыграл яркую и неоднозначную роль в истории Южной Азии. Столь же интересными и неоднозначными предстают суждения и оценки данного периода, включая анализ самого тюркского феномена в регионе.

Ряд исследователей пытаются отнести начало контактов представителей Южной Азии с тюрками (прототюрками) к периоду до нашей эры либо к рубежу эр. Так, британский географ Т. Холдич выдвигает версию о некоем Туране, располагавшемся в низовьях Инда, население которого являлось предками как для дравидов цивилизации Мохенджо-Даро и Хараппы, так и для прототюрков Центральной Азии [1, с. 315-316]. Некоторые авторы, прослеживая общность социально-политических и культурно-религиозных элементов у индийских ариев и древних тюрков, говорят об их прямых контактах и взаимовлиянии. К примеру, помимо сходств в социальной и ритуально-обрядовой практике, можно отметить и факт особого отношения к окружающей среде, характерного как для индийцев, так и для тюрков, на основе чего в VII в. н.э. тюркский каган запретил убивать оленей [2, с. 226], так же, как индийские императоры из династии Маурьев запрещали охотиться на диких животных. Тюрками могут также объявляться центральноазиатские саки и кушаны, проникшие в Южную Азию на рубеже эр. Так, существуют предположения о том, что саки – это «великое племя тюркских кочевников» [3, с. 125]; «племя, родственное татарам [как в западной историографии иногда именуется все тюрки]» [4, с. 25]; «докушанские тюркские юэчжи, [которые] начали проникать в Индию в I в. до н.э.» [5, с. 535] и пр. Наконец, большинство исследователей склоняется к версии в пользу тюркского происхождения

гуннов-эфталитов, совершавших в середине I тыс. н.э. набеги на Индию. Здесь можно сослаться на положение Е.Н. Успенской о том, что «эфталитские племена были очень пестрыми по этническому составу. Считается, что в числе их были тюркские, гуннские (прежде всего тюркоязычные гунны – хунну), восточноиранские, индоарийские элементы» [6, с. 21]. Некоторые исследователи также отмечают, что первые упоминания о Туркестане (Туране), дошедшие до наших дней, содержатся именно в индийских источниках [7, с. 3], что также подтверждает интенсивность контактов двух регионов.

Однако исторически зафиксированным является факт проникновения тюрков в Южную Азию лишь во второй половине I тыс. н.э. Около 625 г. н.э. Тон Ябгу Каган впервые установил непосредственное тюркское (доисламское) правление в Северо-Западной Индии [8, с. 29]. Следующие за гуннами и доисламскими тюрками волны пришельцев из Центральной Азии связаны с фактом проникновения в Южную Азию ислама, когда вместе с арабами, персами и афганцами в северо-западные районы Индии стали проникать тюрки. Примечательно, что в связи с этим большинство ученых считают, что ислам в своей мягкой, толерантной форме пришел в Индию именно с территории Центральной Азии. С этого же времени при дворах некоторых индийских, в частности, кашмирских правителей стали появляться лица тюркского происхождения, нередко занимавшие высокие посты [9, с. 16].

В конце X – начале XI вв. северо-западные районы Индии (Мултан и Синд), будучи завоеванными Махмудом Газневи, вошли в состав тюркско-афганского государства Газневидов, составной частью которого являлись и значительные территории Центральной Азии. С тех пор для северных индийских княжеств угроза вторжений тюрков (в индийском варианте – турушков) становится постоянной. «Когда тюрки Турана были обращены в ислам, судьба Индии оказалась предрешена. Начиная примерно с 1000 г. н.э., группы тюркских и афганских завоевателей проникали в Индию: сначала чтобы грабить, затем – чтобы селиться там. К 1200 г. н.э. эти завоеватели постепенно объединились, и до периода установления британского владычества в XVIII в. Индия находилась под властью различных мусульманских династий, большинство из которых были тюркского (туранского) происхождения» [10, с. 10].

Кульминацией проникновения в Южную Азию тюркского (и шире – центральноазиатского) элемента считается образование Делийского султаната (1206-1526). «Установление в стране власти мусульман было делом тюрков... Махмуд Газневи может по праву рассматриваться как основатель тюркского господства в Индии» [11, с. 140, 145]. Некоторые исследователи из Южной Азии вообще не упоминают о более ранних контактах Центральной и Южной Азии, и говорят лишь о том, что «с дней существования Делийского султаната до исчезновения Могольской империи взаимодействие Индии с Центральной Азией было весьма очевидным и значимым» [12, с. 58]. Так или иначе, можно считать, что с данного периода взаимоотношения двух регионов стали еще более активными и разносторонними.

Попытки некоторых ученых отождествить основателей Делийского султаната с каким-либо конкретным центральноазиатским этносом или государственным образованием (в частности, А. Дешпанде полагает, что «тюрки Илбари, которые господствовали в Делийском султанате, по крайней мере, до конца правления Балбана,...принадлежат региону, который расположен в современном Казахстане» [13, с. 151-152], а С.Н. Хуссэйн говорит о Туркмении как о родине династий Хилджи и Туглаков [14, с. 60]) представляются не вполне обоснованными. Однако тюркское, наряду с арабским, афганским и персидским, происхождение значительной массы тех, кто стоял у истоков рождения данного государства в Индии не подвергается сомнению. Тюрки составляли основу вторгшегося в Индию мусульманского войска, начиная с его высшего командного состава и заканчивая крестьянами и авантюристами, формировавшими солдатские массы. Этнически тюркскими были отдельные правители и целые династии Делийского султаната (основатели султаната – Махмуд Газневи и Кутуб уд-Дин Айбек, Шамс уд-Дин

Илтутмыш, Гияс уд-Дин Балбан, Туглакиды и др.; хотя последнюю династию Делийского султаната – Лоди – принято считать афганской, однако, по мнению Р. Фольца, ее также можно рассматривать как частично тюркскую, так как все династии Делийского султаната, за исключением Гуридов – это либо «персианизированные центральноазиатские тюрки», либо «тюркизированные пуштуны» [15, с. xxiv]).

Продолжали эпизодически появляться в Индии и другие тюркские представители Центральной Азии, в том числе сын разгромленного монголами Хорезм-шаха Джалал уд-Дин в 1221 г., центральноазиатские Чагатаиды, тюрки в составе войск Тамерлана в 1398-99 гг. При дворе Тамерлана в течение нескольких лет проживал Зайн-ул-Абидин, будущий правитель Кашмира, познакомивший Северную Индию с рядом центральноазиатских достижений. Впоследствии же сын Тамерлана Шахрух поддерживал тесные контакты с государственными образованиями Бенгалии и с Виджаянагаром, расположенным на юге Индии (одним из послов Шахруха в Виджаянагар являлся Абд ар-Раззак Самарканди). Считается также, что после похода Тамерлана в Индии обосновались карлуки.

Таким образом, в Южную Азию окончательно проник и закрепился в ней еще один центральноазиатский этнический элемент – тюркский. При этом примечательно, что, как отмечает П. Джексон, «в трудах средневековых авторов о Делийском султанате термин “тюрк” зачастую использовался просто как этникон. В течение определенного периода в Индии под “тюрками” могли понимать только рабов (противопоставление “тюрки и свободные” у аль-Джуджани)» [16, с. 326]. Последнее, очевидно, связано с тем, что ряд тюркских правителей в султанате происходили из гулямов.

Практически с начального этапа существования Делийского султаната его правители поддерживали дипломатические отношения с центральноазиатскими правителями, в частности, Чагатаидами. Кстати, еще в начале XIV в. Чагатаиды объявили территории Инда и собственно Хиндустана целью своих завоевательных походов, и если их первые походы 1297-1303 гг. в Синд, Пенджаб и Гуджарат были неудачными и заканчивались пленением чагатаидских военачальников Делийскими султанами, то в 1305 г. им удалось временно закрепиться в районе Дели. Впоследствии, закрепившись в Афганистане, Чагатаидские царевицы достаточно часто тревожили Делийских султанов то угрожающими посланиями, то (до 1328 г.) непосредственными нападениями и временным захватом различных частей Индии. Однако победа обычно оказывалась на стороне Делийских султанов. Впрочем, существует предположение о том, что подобные «нападения» на самом деле были лишь сезонными миграциями Чагатаидов-кочевников с летних пастбищ Газни и Гура на зимние пастбища Северо-Западной Индии [16, с. 225-227]. Кроме того, многие монгольские и собственно Чагатаидские царевицы, проигрывавшие в междоусобных войнах, искали в Индии политическое убежище.

Именно с данного периода Центральная Азия и шире – государства исламского мира – начинают взаимодействовать с Индией не как с неким, в принципе, иным, даже чуждым регионом, а как с элементом того же самого мира, в значительной степени понимающим и разделяющим мусульманские и собственно центральноазиатские ценности и представления. В прежние периоды подобного практически не происходило: либо взаимодействовали отличные друг от друга этнические элементы, либо исконно центральноазиатский элемент растворялся в индийской среде и сам становился индийским, либо же сходные этнические образования имели отношения в рамках какой-то одной империи, полностью или частично охватывавшей оба региона. Тюркский же этнический элемент Делийского султаната в политическом плане чувствовал себя обособленно в собственном государстве, однако не был полностью растворен в индийской среде. Поэтому мусульманский тюрко-афганский Делийский султанат взаимодействовал с мусульманскими же тюркскими и афганскими государственными образованиями на основе сходных ценностей и мировоззрения. Вместе с тем, центральноазиатские элементы в Южной Азии все же не могли совершенно не подвергнуться индийскому воздействию, и несли этот индийский отпечаток в Центральную Азию при контактах с ней.

В то же время в период существования Делийского султаната тюрки проникали в Индию в основном в составе «армий мусульман», куда входили также арабы, персы и афганцы. Поэтому тюрки (а также тюркизированные монголы) пока еще несли в Южную Азию по большей части не собственные ценности и мировосприятие, а культуру ислама и заимствованные ими самими элементы арабо-персидской цивилизации. Более того, А.Л. Бэшэм отмечает, что именно феномен ислама являлся причиной, по которой пришедшие в Индию тюрки на этот раз не растворились в индийской среде. «Отсталые племена Центральной Азии, вторгавшиеся в Индию, быстро ассимилировались, но мусульмане с их строго регламентированной религией не могли приспособиться даже ко всепоглощающей индуистской культуре» [17, с. 86]. В то же время А.Х. Дани говорит о том, что многие тюрки, пришедшие в Южную Азию, приняли буддизм [18, с. 9]. Однако, поскольку к рассматриваемому периоду буддизм уже не имел широкого распространения в самой Индии, речь здесь скорее может идти о тех тюрках Восточного Туркестана и иных территорий, которые были буддистами еще у себя на родине.

Собственно центральноазиатские ценности и идеи пришли в Индию вместе с династией Великих Моголов (1526-1858). Причем эти ценности и идеи поддерживались на практически неизменном уровне всеми могольскими падишахами, даже несмотря на тот факт, что четвертый правитель данной династии был индийцем уже наполовину, а пятый – на три четверти. Несмотря на до сих пор нерешенный вопрос об этнической принадлежности – монгольской, тюркской, монголо-тюркской или тюрко-монгольской – основателя династии Великих Моголов Бабура (1526-1530) очевидным остается то обстоятельство, что весь правящий класс, проникший в Индию вместе с Моголами, называл себя «туранским». Среди высших военных и гражданских чинов в армии и администрации Великих Моголов выходцы из Центральной Азии составляли 60% при Хумаюне, 39% при Акбаре и 23% при Шах-Джахане; при этом считается, что в основной своей массе они принадлежали к общечагатайским племенам каучин, арлат, жалаир и барлас, а также собственно к узбекскому, туркменскому и таджикскому этносам [15, с. xxix, 36]. Впрочем, некоторые исследователи считают, что реальное число выходцев из Центральной Азии, проживавших в Индии в Могольский период, всегда преувеличивалось, так как иногда собственно индийцы и потомки смешанных браков предпочитали выдавать себя за тюрко-монголов. Другие же полагают, что это число, наоборот, преуменьшено, так как не все тюрко-монголы сохраняли родовые и географические имена и прозвища своих предков, и даже нередко выдавали себя за этнических индийцев [см.: 19, с. 146-147].

Интересным представляется постановка и поиски ответа на вопрос о тюркском либо ином происхождении отдельных личностей в рамках тюркской и монголо-тюркской империй в Индии.

Что касается Бабура, то Дж.В. Лобо [20, с. 110] и С. Бхаттачарья [5, с. 600] однозначно считают его монголом. Э.Б. Хейвелл говорит о том, что отец Бабура был тюрко-монголом, а мать – чистой монголкой [3, с. 420]. Р. Фольц утверждает, что Бабура нужно считать скорее тюрком, так как его отец являлся наполовину Тимуридом-тюрком и наполовину Чагатаидом, а мать – наполовину Чагатаидкой и наполовину монголкой; при этом все Чагатаиды к тому времени уже были тюркизированы [15, с. 13-14]. Ж. Шальон также описывает Бабура как «тюркоговорящего чагатаида» [21, с. 4]; «чагатайским тюрком» называют его Н.К. Синха и А.Ч. Банерджи [11, с. 211]. М. Хайдар указывает на то, что в официальных документах Моголов их династия именовалась одновременно «Монгольской» и «Тюркской», и что эти наименования воспринимались как синонимичные [19, с. 125-126]. В то же время В. Селвараджан утверждает, что «в Индии скептически относятся к заявлениям о тюркском происхождении Тамерлана, Бабура и всех Великих Моголов, хотя нередко этот факт формально признается индийцами для демонстрации исторических связей с тюркскими государствами Центральной Азии» [22, с. 260-261]. М.Х. Нури говорит о правомерности суждения, согласно которому Бабура и его потомков можно рассматривать как «узбекскую династию, правившую в Индии на

протяжении более 300 лет» [23, с. 71]. В связи с этим некоторые исследователи предлагают совсем отказаться от этнической идентификации Бабура и его сподвижников и рассматривать их не как тюрков или монголов, а просто как представителей Центральной Азии.

Представляется важным более детально упомянуть и об отношении различных исследователей к этническому происхождению Мухаммада Хайдара Дулати. Многие казахстанские ученые практически не ставят под сомнение связь Дулати с этническими казахами; исследователи из других центральноазиатских государств так же, как правило, не отрицают этого факта, хотя историки из Узбекистана, основываясь на том, что родным городом для Дулати являлся Ташкент, предлагают считать его просто представителем Центральной Азии. Однако индийские и западные исследователи, признавая бесспорным центральноазиатское происхождение Дулати, никоим образом не склонны связывать его с этническими казахами. Так, М. Хайдар прямо указывает на то, что «Мирза Мухаммад Хайдар Дулати был монголом по рождению, жил как монгол, делал свои записи для монголов и умер, защищая интересы монголов. Он долгое время оставался одним из забытых султанов Моголистана до тех пор, пока казахи не решили объявить его своим национальным писателем-историком» [24, с. 7, 11]. П. Деван пишет, что «в настоящее время казахстанцы официально требуют признания Дулати своей личностью по не вполне понятным причинам» [25, с. 50]. Р. Фольц отмечает, что «с тех пор, как чагатаиды, уже идентифицировавшиеся как казахи, стали противопоставляться узбекам, Дулати осуждает чагатаидов за их невежество и неоседлый образ жизни» [15, с. 37]. Поэтому представляется, что вопрос об этническом происхождении Дулати также еще не решен.

Что касается присутствия значительной массы тюрков при дворе, то важно отметить, что могольские императоры имели у себя на службе значительное число тюркских и персо-таджикских выходцев из Центральной Азии по трем основным причинам: во-первых, они были этнически родственны Моголам; во-вторых, обладали качествами, которые ценились Моголами и которые они не всегда находили у коренного населения Индии; в-третьих, постоянные конфликты между представителями различных центральноазиатских племен, этносов и территориальных групп даже в Индии гарантировали невозможность создания сильной оппозиции императорской власти.

Одновременно в политико-административные и дипломатические порядки в Индии активно проникали тюркские (или тюрко-монгольские) элементы. Еще Туглакиды Делийского султаната ввели центральноазиатские фискальные порядки. Акбаровский мансаб в значительной степени копировал аналогичную структуру в армии Чингизхана; при первых могольских императорах организовывались формальные курултаи; представители могольской элиты принимали подарки на основе тюрко-монгольского обычая «токуз/тогуз» и в течение длительного периода придерживались кодекса «тура». Хотя со временем тюрко-монгольские обычаи при могольском дворе стали соблюдаться только в отношении дипломатов и царственных гостей из Центральной Азии, однако часть их вошла в общеиндийский этико-культурный фонд. Широкое распространение в Индии получила и тюрко-монгольская административная терминология [15, с. 26-27; 19, с. 132-135].

Практически все исследователи отмечают значительные масштабы и интенсивность перемещения людей и идей между Южной и Центральной Азией, что приводило к тесному культурному взаимодействию двух регионов. По мнению М. Хайдар, данный процесс был особенно активным в период XI-XVII вв. [19, с. 118]. Среди тех, кто являлся частью подобных людских потоков, были, помимо торговцев и официальных и неофициальных представителей духовенства, ремесленники, солдаты, обычные путешественники и путешественники-разведчики, а также люди науки и искусств и др. Имело место также взаимная практика поиска политического убежища лицами, оказывавшимися в немилости у индийских либо туранских правителей. Парадоксально, но это способствовало большей политической стабильности в обоих регионах, так как их

правители предпочитали помириться со своими врагами, нежели допустить превращения последних в союзников противоположной стороны.

Активным был обмен технологическими и культурными достижениями между регионами Центральной и Южной Азии, в котором тюрки и тюркская культура играли немаловажную роль. Одними из основных сфер знания, где наблюдалось наибольшее число межрегиональных заимствований, были медицина и математика. Под патронажем Могольских Императоров в Индии существовала «самаркандская школа» астрономии, а построенные в XVII в. в Джайпуре и Дели обсерватории Джантар-Мантар имели в качестве модели обсерваторию Улугбека. Индийской музыке могольские императоры предпочитали более близкую им центральноазиатскую; одновременно происходили заимствования в области танцевального искусства и создания музыкальных инструментов. Происходил также обмен достижениями в сферах литературы, живописи (вплоть до смешанных «индийско-туранских» стилей), каллиграфии, книгоиздания, садоводства, ковроткачества, металлургии, ювелирного дела, обработки камня, изготовления тканей, оружия, керамики и бумаги, в спорте и пр.; в наибольшей степени подобное тюркское влияние затронуло Кашмир, о чем говорят практически все индийские историки. В XVI в. на основе индианизации творчества Алишера Навои возник даже так называемый «индийский стиль» поэзии, последователи которого имелись как в Южной, так и в Центральной Азии. Нередко в активизацию таких связей вносили свой вклад высокопоставленные гражданские и духовные лица. Ярким примером в этой связи являются сподвижники (аталыки) первых Моголов Байрам-Хан и его сын Абдуррахим Хан-и-Ханан, являвшиеся этническими туркменами; визирь и историк императора Акбара Абу-л Фазл же являлся наследником политико-философских идеалов аль-Фараби.

В целом, в период средневековья происходило интенсивное привнесение в Индию обширного тюркского этнического компонента в виде правящих династий и их непосредственного окружения, частей армии, включая военное командование, администраторов и чиновников на местах, ремесленников, ученых, людей искусства и культуры, торговцев, а также политических изгнанников из Центральной Азии. Практически все исследования лексико-грамматической близости тюркских и индийских (прежде всего относящихся к поясу хиндустани) языков основываются на лингвистических процессах, проходивших в это время. Именно с тюрками ассоциируется привнесение в Индию умеренного течения в исламе – суфизма, оказавшего столь близким собственным индийским религиозным воззрениям и мировосприятию и породившего новые направления в духовной жизни самих индийцев. Некоторые регионы Индии тюркизировались в различных отношениях практически полностью, другие были лишь затронуты известиями о правлении тюрков в соседних частях страны, но, пожалуй, ни один уголок страны не оказался полностью изолированным от информации о тюркском элементе. Исследователями особенно подчеркивается унаследованная от тюркского периода близость, а во многом и идентичность культурно-цивилизационных элементов Центральной Азии и северных регионов Индии.

Присутствие в Индии принадлежащих к различным тюркским этносам дипломатов, торговцев, людей науки и культуры и других, а также практика поиска тюрками политического убежища в Южной Азии продолжались и в новое время. Интересно, что в этот период третий путь хаджа в Мекку и Медину, наиболее удобный для мусульман, по большей части тюрков, Центральной Азии, Сибири и Урала проходил через города Мазари-Шариф на севере Афганистана, Кабул и Пешавар. В Пешаваре после открытия железнодорожного сообщения паломники садились на поезд, перевозивший их в Карачи или Бомбей, а оттуда морским путем будущие хаджи прибывали в Джидду или Янбо. По тем или иным причинам часть этих паломников на обратном пути оставалась в Индии. В определенные периоды, в том числе и в новейшее время, тюрки в составе целых семей и даже населенных пунктов мигрировали в Индию и оставались там. Так, в 1930-е гг. имел место приток в Индию, в основном в Кашмир, значительного числа уйгурских и дунганских беженцев из Восточного Туркестана. В меньшем числе убежища в Индии

искали представители советской Центральной Азии, спасавшиеся от коллективизации и репрессий [23, с. 73-93].

В результате перечисленных факторов в период средневековья и отчасти нового времени тюркский элемент вошел одной из важных составных частей в этнический, лингвистический и культурно-религиозный облик населения различных регионов Южной Азии. Как отмечает в этой связи Дж. Неру, «...на протяжении тысячелетий следовали волны...тюрков, тюрко-монголов и других, которые приходили большими или маленькими группами и обретали в Индии свою родину» [26, с. 146].

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Holdich Th. The Gates of India (being a Historical Narrative). - Delhi, 2002 (first published in 1910).
- 2 Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. - Алматы, 2002.
- 3 Howell E.B. The History of Aryan Rule in India. From the Earliest Times to the Death of Akbar. - L., 1918.
- 4 Hutton J. Central Asia from the Aryan to the Cossack. - New Delhi, 2005 (first published in 1875).
- 5 Bhattacharya S. A Dictionary of Indian History. - Calcutta, 1967.
- 6 Успенская Е.Н. Раджпуты: рыцари средневековой Индии. - СПб., 2000.
- 7 Skrine H.F., Ross E.D. The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. - Padstow, 2004.
- 8 Raina R. Echoes of a Distant Past: India and Kazakhstan. - New Delhi, 2010.
- 9 Kaushik D. India and Central Asia in Modern Times. A Study in Historical-Cultural Contacts from the Early Nineteenth Century. - New Delhi, 1985.
- 10 McGovern W.M. The Early Empires of Central Asia. A Study of the Scythians and the Huns and the Part They Played in World History. - Chapel Hill, 1939.
- 11 Синха Н.К., Банерджи А.Ч. История Индии. - М., 1954.
- 12 Ahmar M. India and Its Role in the New Central Asia // Pakistan Horizon. – 2002. – Vol. 55. – № 4.
- 13 Дешпанде А. Видение Азиатского сотрудничества Джавахарлала Неру – контекстуальная, концептуальная и синоптическая точки зрения // Джавахарлал Неру и сотрудничество в Азии / Под ред. А. Мишры. - Алматы, 2006.
- 14 Hussain S.N. Geo-Political Importance of Central Asian Republics: An Indian Perspective / Thesis submitted to the Jawaharlal Nehru University for the award of PhD degree. - New Delhi, 2003.
- 15 Foltz R.C. Mughal India and Central Asia. - Karachi, 1998.
- 16 Jackson P. The Delhi Sultanate. A Political and Military History. - Cambridge, 1999.
- 17 Бэшем А.Л. Чудо, которым была Индия. - М., 1977.
- 18 Dani A.H. Buddhism to Islam: Cultural Links Between Central and South Asia // Culture, Society and Politics in Central Asia and India / Ed. by N.N. Vohra. - New Delhi, 1999.
- 19 Haidar M. Indo-Central Asian Relations. From Early Times to Medieval Period. - New Delhi, 2004.
- 20 Lobo J.W. Reinventing Cultural Histories – Need to Place India-Central Asia Historical and Cultural Linkages in Proper Geographical and Ethnic Perspectives // International Seminar on Cultures and Societies in Transition. India, Russia and Other CIS Countries. - New Delhi, 2006.
- 21 Chaliand G. Nomadic Empires. From Mongolia to the Danube. - New Jersey, 2004.

- 22 Selvarajan V. Central Asia- India Relations Since 1985: A Case Study of Uzbekistan and Kazqakhstan / Thesis submitted to the Jawaharlal Nehru University for the award of PhD degree. - New Delhi, 1997.
- 23 Nuri M.H. India and Central Asia: Past, Present and Future // Regional Studies. 1992-1993. – Vol. 11. – № 1.
- 24 Haidar M. Mirza Haidar Dughlat as Depicted in Persian Sources. - New Delhi, 2002.
- 25 Dewan P. Jammu, Kashmir and Ladakh. Part I – Kashmir. - New Delhi, 2004.
- 26 Неру Дж. Открытие Индии. - М., 1955.

LITERATURA

- 1 Holdich Th. The Gates of India (being a Historical Narrative). - Delhi, 2002 (first published in 1910).
- 2 Zuyev Yu.A. Ranniye tyurki: ocherki istorii i ideologii. - Almaty, 2002.
- 3 Howell E.B. The History of Aryan Rule in India. From the Earliest Times to the Death of Akbar. - L., 1918.
- 4 Hutton J. Central Asia from the Aryan to the Cossack. - New Delhi, 2005 (first published in 1875).
- 5 Bhattacharya S. A Dictionary of Indian History. - Calcutta, 1967.
- 6 Uspenskaya Ye.N. Radzhputy: rytsari srednevekovoy Indii. - SPb., 2000.
- 7 Skrine H.F., Ross E.D. The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. - Padstow, 2004.
- 8 Raina R. Echoes of a Distant Past: India and Kazakhstan. - New Delhi, 2010.
- 9 Kaushik D. India and Central Asia in Modern Times. A Study in Historical-Cultural Contacts from the Early Nineteenth Century. - New Delhi, 1985.
- 10 McGovern W.M. The Early Empires of Central Asia. A Study of the Scythians and the Huns and the Part They Played in World History. - Chapel Hill, 1939.
- 11 Sinha N.K., Banerjee A.C. Istoriya Indii. - M, 1954.
- 12 Ahmar M. India and Its Role in the New Central Asia // Pakistan Horizon. – 2002. – Vol. 55. – № 4.
- 13 Deshpande A. Videniye Aziatskogo sotrudnichestva Jawaharlala Nehru – kontekstual'naya, kontseptual'naya i sinopticheskaya tochki zreniya // Jawaharlal Nehru i sotrudnichestvo v Azii / Pod red. A. Mishry. - Almaty, 2006.
- 14 Hussain S.N. Geo-Political Importance of Central Asian Republics: An Indian Perspective / Thesis submitted to the Jawaharlal Nehru University for the award of PhD degree. - New Delhi, 2003.
- 15 Foltz R.C. Mughal India and Central Asia. - Karachi, 1998.
- 16 Jackson P. The Delhi Sultanate. A Political and Military History. - Cambridge, 1999.
- 17 Beshem A.L. Chudo, kotorym byla Indiya. - M., 1977.
- 18 Dani A.H. Buddhism to Islam: Cultural Links Between Central and South Asia // Culture, Society and Politics in Central Asia and India / Ed. by N.N. Vohra. - New Delhi, 1999.
- 19 Haidar M. Indo-Central Asian Relations. From Early Times to Medieval Period. - New Delhi, 2004.
- 20 Lobo J.W. Reinventing Cultural Histories – Need to Place India-Central Asia Historical and Cultural Linkages in Proper Geographical and Ethnic Perspectives // International Seminar on Cultures and Societies in Transition. India, Russia and Other CIS Countries. - New Delhi, 2006.
- 21 Chaliand G. Nomadic Empires. From Mongolia to the Danube. - New Jersey, 2004.
- 22 Selvarajan V. Central Asia- India Relations Since 1985: A Case Study of Uzbekistan and Kazqakhstan / Thesis submitted to the Jawaharlal Nehru University for the award of PhD degree. - New Delhi, 1997.
- 23 Nuri M.H. India and Central Asia: Past, Present and Future // Regional Studies. 1992-1993. – Vol. 11. – № 1.

- 24 Haidar M. Mirza Haidar Dughlat as Depicted in Persian Sources. - New Delhi, 2002.
25 Dewan P. Jammu, Kashmir and Ladakh. Part I – Kashmir. - New Delhi, 2004.
26 Nehru J. Otkrytiye Indii. - M., 1955.

Резюме

Руденко Елена Игоревна

Шетелдік зерттеушілер Оңтүстік Азияда түркі элементі туралы

Мақалада Оңтүстік Азияда түркі элементтің нақты мен рухани қатысуы туралы шетелдік (үнді және батысеуропалық) зерттеушілердің пікірлері мен пайымдары зерттеп тексереді. Оңтүстік Азияда түркі дәуірдің кең хронологиясы орта ғасырда зейінмен, аймағында түркілердің қатысуы ерекшеліктері, Үндістандағы саяси-әкімшілік және мәдени-діни жүйесіне олардың үлесі, сондай-ақ жеке түркі адамдардың орны мен рөлі әсіресе талданады.

Summary

Yelena I. Rudenko

Foreign Researchers on Turkic Element in South Asia

The article deals with the opinions and estimates of foreign (Indian and Western) researchers on material and spiritual presence of Turkic element in South Asia. The broad chronology of the Turkic period with the emphasis on the Middle Ages, characteristics of Turks' presence in India, their contribution to Indian political-administrative and cultural-religious systems, as well as place and role of individual Turkic personalities in the region are analyzed at large.

Поступила 04.03.2013 г.